

Саша Шу, Бейби Лав

Танцуй, детка!

**Остросюжетный
любовный роман**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ш95

Шу С., Лав Б.

Ш95 Танцуй, детка!: Остросюжетный любовный роман / Саша Шу, Бейби Лав. – М.: Литнет, 2026. – 180 с.

ISBN 978-5-521-89782-7

Современная Золушка живёт в маленьком южном городке на берегу моря, учится в институте, а по ночам танцует в стриптиз-клубе, чтобы заработать денег и спасти своего самого близкого человека. Фея-крёстная – циничный сутенер Арчи, а её Прекрасный Принц – испорченный и порочный до мозга костей мажор, чья семья отняла у неё всё.

Есть ли вообще шансы у этой «сладкой» парочки?!

Часть 1 в цикле «Грязные танцы»

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-89782-7

© Литнет, 2026
© Шу С., 2026
© Лав Б., 2026

1

– Твой выход, Алекс! – выкрикнул, словно швырнул мне слова в лицо Артур, и я, только заслышав первую, ещё совсем медленную, ритмичную дробь барабанов, сыпавшую сухим горохом на деревянный пол нашей мини-сцены, шагнула в слепящий свет рампы за бархатный чёрный занавес, будто вышла из ночи в невыносимо яркий и жаркий день.

Отсчитывая жёсткий и частый ритм про себя, я застыла сначала на несколько секунд, раскинув руки, как крылья, и почувствовала, как тугой гул мужских голосов в зале стал стихать, замирая. А затем очень чётко и ещё пока совсем спокойно начала отмерять круги грудью: «Вперёд – вверх – точка, вправо – вверх – точка, назад – выгнула спину кошкой – точка, влево – вверх – точка», и так несколько барабанных проигрышей, чтобы гудящий и пьяный зал ночного клуба утих, принимаясь следить за ритмичными кругами, которые выписывает моя грудь, сверкающая разноцветными бусинами и золотыми монетами. Босые ноги стоят крепко на полу, и вся я – древняя восточная статуя, у которой как будто ожил только верх выше талии, в воздухе плавно и легко парят руки, как бы плетут невидимые сети, а лицо я закрыла чёрной полупрозрачной вуалью, отчего, не сомневаюсь, мои подведённые сурьмой глаза горят яркими изумрудами в плотных, густых сумерках затемнённого зала. Я чувствую, как скользкие, точно ночные насекомые, взгляды спускаются по моему лицу, шее, декольте и оседают на подрагивающей в ритме танца груди, укутанной медовым светом прожекторов.

Делаю небольшой шаг вперёд, и моя обнажённая нога, покрытая несколькими слоями тончайшей прозрачной ткани, выныривает из морской пены своих покровов, а на лодыжке начинают мелодично позванивать крошечные марокканские бубенчики на тяжёлом

серебряном браслете. Повинуясь магическому ритму египетских барабанов, я снова замираю и выдыхаю животом, отчего все глаза в зале, не отрываясь, следят за движениями моего гладкого полукруглого животика и скатываются всё ниже – я это знаю наверняка – по тайной дорожке туда, где под мягкой округлостью плоти, на самых краях бедренных косточек, натянут прохладный шёлк шальвар.

Я на секунду замираю, чтобы сделать передышку перед нарастающим диким темпом ударных, и вдруг мои глаза в безликой замеревшей толпе упираются прямо в Него. Приглушённый свет над столиком падает на его словно выточенное из камня лицо: мужественный подбородок с небольшой щетиной, прямой нос с горбинкой и холодный и надменный, как бы уже успевший устать от всех зрелищ мира, взгляд. Он сидит, свободно развалившись в английском резном кресле, широко расставив длинные стройные ноги в голубых джинсах, на нём обычная светлая футболка с логотипом *Gucci*, и в руке он сжимает запотевший тумблер с виски. Кубики льда поблёскивают в прозрачном бокале, тают, перемешиваясь с драгоценным янтарным напитком, и я сама вдруг понимаю, что я, как маленькая льдинка на горячем солнце, уменьшаюсь и плавлюсь от его надменного и насмешливого взгляда...

Мои щёки под вуалью пылают, плечи загораются, точно на них накнули огненную шаль, а живот становится вдруг необыкновенно пустым, как лёгкий, надутый гелием шарик. Я делаю второй шаг, и все драгоценные камни и монисты начинают звенеть в одном ритме с барабанщиком, выступая с ним в дуэте. Теперь мои грудь, живот, бёдра двигаются поочерёдно, будто сами задают ритм танца, пока ещё не так быстро, но сейчас я – картина, а музыка в клубе – только обрамляющий меня узор. Сотни часов тренировок перед зеркалом в зале, и всё моё тело – это пластичное полотно, на котором я выписываю убыстряющийся с каждой секундой ритм.

Мои бёдра повторяют первобытную тряску, отточенную теперь до совершенства, его глаза всё так же устремлены на меня, он

не в силах оторваться от перекатов мускулов под моей гладкой кожей на груди и животе, а я танцую сейчас только для него. Переливаясь всеми красками мира, звеня сотнями золотых монеток и бубенчиков, прохожу вдоль края сцены, свысока глядя на толпу сгрудившихся здесь моих поклонников и постоянных клиентов. Я подхожу к одному из них – стильному бизнесмену в дорогом костюме, который старается не пропускать моих выступлений по четвергам, встаю на колени и выгибаюсь на спину, откинувшись на пятки, не переставая задавать ритм животом и грудью. Мои длинные волосы разметались по деревянному настилу шёлковыми змеями, а я вижу, как мужчина, не моргая, не в силах отвести взгляд, смотрит на мой плоский живот и на то, что сейчас скрывается под тонкими полупрозрачными подъюбниками. Перекатываюсь ближе к краю сцены, подставляя ему своё обнажённое бедро, стянутое резинкой шальвар, и чувствую, как жёсткая и хрустящая купюра, просунутая под нитку, приятно царапает кожу... Сидя на бёдрах, продолжаю танцевать свои барабаны, укутывая поклонника шалью волос и приближаясь к нему настолько близко, чтобы он смог почувствовать и увидеть малейшие капельки прозрачного пота, уже начинающие собираться у меня в ложбинке между грудей.

Делаю перекат и, повернувшись спиной, исполняю бешеную тряску ягодицами уже перед другим зрителем, на мгновение присаживаюсь на бёдра и кладу голову ему на плечо, одновременно чувствуя его большую и властную ладонь, оттягивающую бретельку лифа и засовывающую под неё стодолларовую купюру.

– Спасибо, сладкий, – шепчу я ему на ухо и резко вскакиваю на ноги, чтобы продолжить собирать дань со своей паствы на сегодня.

Ещё несколько минут, и я стою в центре сцены, словно разрываема-мая на части гулкими ударами, мои волосы разметались в разные стороны, как языческое пламя, тело свободно и расслаблено, как древний ветер, я слышу финальный удар барабана и замертво падаю здесь же, на пол, точно растворившись с последним затихшим звуком

в зале. Несколько секунд в клубе царит звенящая пустота, пока и она не разбивается на осколки громким улюлюканьем и топотом.

– Наша прекрасная Аиша, поприветствуем ещё раз, господа! – объявляет напоследок Артур, пока я убегая со сцены, сжимая в ладонях горсти смятых купюр, а за мной по воздуху плывёт шлейф из развевающихся юбок...

Я сижу в своей импровизированной гримёрной – в задней комнате за баром, которую переоборудовали под костюмерную. Кирпичные стены, ряд трюмо с зеркалами, со слепящими глаза галогенными лампами и простые вешалки из *Ikea* на колёсиках, куда мы с девочками вешаем свои костюмы. Снимаю вуаль, промакиваю ватный шарик косметическим молочком и только собираюсь начать стирать с лица толстый слой макияжа, как в раздевалку заходит владелец нашего клуба «Нью-Йорк 56» и по совместительству мой импресарио Артур со словами:

– Алекс, у тебя твой постоянный заказчик, как обычно, уже созрел. Хочешь ещё сегодня двести зелёных?

– Опять Бошан? – вопросительно смотрю я на отражение Арчи в зеркале.

– А как же. Он самый, – утвердительно хмыкает Артур, проводя рукой по своей щеголеватой бородке. Несмотря на то, что со своими завитыми колечками усами он больше походит на владельца модного барбершопа, в душе он навсегда остаётся жадным и скользким дельцом-сутенёром, никогда не упускающим своей выгоды. Не упускающим ни одной лишней копейки. Любой ценой.

– Хорошо, я сейчас переоденусь, – немного подумав, соглашаюсь я. И хотя внутри меня всё сжимается от чувства липкого омерзения, мне очень нужны деньги. Мне слишком сильно нужны деньги. Ещё вчера.

– Ты помнишь, что ему нравится, – утвердительно хмыкает Арчи, и я согласно киваю в ответ.

– Только прошу тебя, пусть Саша будет рядом, ты понимаешь, – предупреждаю я своего хозяина. – Чтобы не было, как в прошлый раз.

– Ты меня знаешь, – показывает Артур вверх большой палец, хотя чувство тревоги и тоски не покидает меня.

Ну что же, я уже не маленькая. Детство закончилось. Пора зарабатывать бабки. Осталось ещё немного. Я мысленно собираю себя по кусочкам, снова входя в образ соблазнительницы Аиши.

– Хорошо, десять минут, и я готова, – говорю я, начиная рисовать на веках яркие «стрелы Востока», и Артур, кивнув, выходит из комнаты.

– И что он в тебе нашёл, не понимаю, – недовольно фыркает моя коллега Кисонька, которая сидит тут же, за соседним зеркалом.

– Возможно, молодость и талант, – бормочу ей в ответ, не отрываясь от своего макияжа: у меня слишком мало времени на разборки. Чем быстрее я начну, тем быстрее покончу с этим.

«Деньги, сегодня у меня будут деньги», – мысленно повторяю успокоительную мантру, чтобы хотя бы на время забыть об омерзительном Бошане.

– Ну да, ну да, ты же у нас самая талантливая и красивая, – тянет Кисонька, жеманно взбивая свои белокурые воздушные локоны. Её милый вздёрнутый носик недовольно морщится, а розовые влажные надутые губки растягиваются в презрительную мину. Дело в том, что совсем недавно, до начала моей карьеры роковой соблазнительницы Аиши в «Нью-Йорке 56», исполняющей восточные танцы, Лена с творческим псевдонимом Кисонька была главной звездой нашего небольшого варьете. Хрупкая, с тонкой талией, но пышной грудью и притягательной круглой попкой, она была крошечным порочным ангелочком этой сцены. В своём трогательном пронзительно-розовом пушистом боа, мини-трусиках и бюстье, усыпанных сверкающими звёздами кристаллов Swarovski, она выходила мягкой поступью ласковой кошечки на сцену под песню Lovefool – *The Cardigans*,

и весь мир был у её ног. В те времена я наблюдала за её выступлениями из своего «рабочего» уголка, и меня поражала Ленина способность сводить с ума всю мужскую половину этого разбитного клуба. Посетители, как ополоумевшие мартовские коты, собирались у края сцены, лишь бы иметь возможность поближе рассмотреть свою Кисоньку. Ей даже ничего не надо было делать: она просто проходила по краю, немного пританцовывая, пару раз соблазнительно приседала у хромированного шеста в центре, виртуозно оттопыривая свою попку в стрингах, проводила розовым язычком по металлическому столбу, отчего зал приходил в полное бешенство, после чего ей оставалось только встать на четвереньки и, выгнув спинку, подползать к очередному поклоннику, уже торопливо сующему приготовленные купюры ей в трусики. Кисонька мурлыкала клиенту в ушко, проводя острым кончиком языка по мочке счастливица, и подползала к очередному мужчине, чтобы повторить номер уже с другим.

Её способность элегантно раздвигать ножки на сцене была выше всяческих похвал, и осчастливленные клиенты считали наибольшей наградой и честью затолкать ей туда свои заработанные честным или не совсем честным трудом денежки. Поговаривали, что этим таланты Кисоньки не ограничивались и её выступления нередко заканчивались настоящими «горизонтальными танцами», но я никогда не знала этого наверняка.

И вот теперь мне предстояло соперничать с этой высокочеловеческой опытной соблазнительницей, хотя, уверена, она была бы в шоке, если бы узнала всю правду обо мне. Я представила выражение её лица, когда ей кто-то сообщает, кто её конкурентка на самом деле, и усмехнулась. И начала пристёгивать к бёдрам маленькие элегантные кожаные ножны для своего коронного танца.

Вся усыпанная, как золотым дождём, переливающимися монетками, я выхожу из гримёрки в душный гудящий зал, где на сцене выступает моя подруга Света – Зажигалочка. Сквозь сладкий и дурманя-

ший дым кальянов словно продираются раскатистые звуки песни La Roux – *In for The Kill*, оглушая уже захмелевших к этому позднему часу посетителей. Рыжая и яркая, она мастерски умеет обращаться с факелами, и уже неясно, что больше привлекает в ней разгорячённых мужчин: её огненная густая грива, длиннющие бесконечные ноги, стройная и безупречная, как у Кэмерон Диас, фигура или прирождённый талант поджигательницы. Её бронзовое тело блестит, точно статуэтка, пока она в высоченных – до середины бедра – латексных ботфортах на двадцатисантиметровой платформе и ярко-алом полупрозрачном купальнике с блёстками ловко управляет с двумя пылающими факелами. Зажигалочка гордо вышагивает по краю нашей сцены, пока одурманенные её огненными чарами поклонники пытаются поймать её за лодыжки. Вот один из них, совершенно пьяный и ополоумевший от желания, хватает Светин лаковый ботфорт и начинает страстно облизывать его, а она стоит и смотрит на него с усмешкой сверху вниз. Как королева на своего верного шута. Зажигалочка просовывает кончик сапожка ему прямо в рот, и он в экстазе принимается обсасывать его, обхватив обеими руками глянцево-зеркальное голенище. Под смех и гогот окружающих Света отшвыривает поклонника, но, на пару секунд присев перед ним с широко раздвинутыми ногами, дарит ему надежду на будущее. Мужчина счастлив, он с ошарашенным видом засовывает смятые бумажки за край её ботфорта, а Света, размахивая горящими факелами, идёт дальше собирать дань со своих придворных.

Заметив меня рядом с охранником Сашей, она всё понимает и незаметно для всех делает наш тайный знак руками: прикладывает правую ладонь к сердцу, отчего мне становится не так страшно и тоскливо. Я в ответ поднимаю левую руку на уровень груди и сжимаю кулак, и она всё видит.

Как восточная наложница на древнем арабском рынке, я послушно ступаю за своим охранником в тёмное ненасытное чрево клуба, в ту часть, где за огромным общим залом скрывается целая сеть

подземных коридоров с приватными комнатами. Все постоянные посетители знают о них, и обеспеченные клиенты нередко пользуются ими для того, чтобы уединиться с понравившейся девочкой. Или мальчиком. Или сразу несколькими тёлочками.

Мои бёдра, как гладкой чешуёй, покрыты золотом звенящих монет, грудь приподнята безумно тесным для неё топом, а плоский и гладкий живот украшают драгоценные узоры из хны и блёсток. В волосы вплетены разноцветные камни, а лицо всё ещё прикрывает полупрозрачная чёрная с золотистым вуаль. Я иду, склонив голову, словно на казнь, за своим охранником, пока мы не проходим мимо вип-столика, где с друзьями сидит Он. Он что-то увлечённо рассказывает своим приятелям, всё так же не выпуская из одной руки тумблер с самым дорогим виски в баре – *Macallan* за три тысячи евро, а второй сжимая толстую кубинскую сигару. Его гости громко смеются над его шутками и, не стесняясь, лапают хихикающих полуголых, разодетых зайками Playboy официанток клуба. Тут его голос резко умолкает, и я практически ощущаю, как несколько пар глаз будто облепляют меня, как чёрные жирные мухи. Поднимаю голову и буквально спотыкаюсь о взгляд его бесконечно ледяных глаз. На доли секунды смутившись, тут же беру себя в руки, несмотря на сковавший меня холод, и продолжаю свой путь.

– Эй, у вас всё нормально, приятель? – обращается Он к Саше.

– Да, всё отлично, ребята, – отвечает за нас мой надсмотрщик, и мы ныряем в тайное чрево клуба «Нью-Йорк 56»...

Ходят легенды, что раньше на месте нашего заведения был старинный храм с проделанными прямо в скальной породе коридорами и пещерами, где приносили в жертву древним кровожадным богам юных прекрасных девственниц. Но это только сказки, а теперь здесь самые влиятельные и богатые люди города могут получить всё, что они пожелают. Впереди меня, словно гора, вздымается квадратная громадина Сашиной спины, пока мы не останавливаемся перед Бархатной комнатой. Мой телохранитель тихонько стучится, пока